

УДК 94(470)"1915/1917"

ГЕРМАНСКАЯ ПРОПАГАНДА КАК СРЕДСТВО ПРИНУЖДЕНИЯ РОССИИ К СЕПАРАТНОМУ МИРУ (1915 – 1917 ГГ.)

В. Н. Суряев

Научно-исследовательский институт Вооруженных сил Республики Беларусь, 220103, Минск, ул. Калиновского, 4
sverbihin7@mail.ru

Рассматриваются организация и содержание германской пропагандистской деятельности, направленной на вывод России из Первой мировой войны. Отмечается, что целью сепаратного мира, которого добивалась Германия, являлось не прекращение глобального военного конфликта и заключение всеобщего демократического мира, а ослабление противостоявшего ей военного блока. Показывается деструктивное влияние пропаганды противника на морально-боевой потенциал русских войск и ее роль в подписании Россией несправедливого Брестского мира.

Ключевые слова: Германия, война, пропаганда, русские войска, разложение армии, сепаратный мир.

Одним из важнейших факторов, определивших поражение стран Четверного союза в мировой войне 1914 – 1918 гг. стал провал германской стратегии «молниеносной» войны. Разрабатывавшаяся в течение нескольких десятилетий стратегия строилась на том, что немецкой армии придется вести войну одновременно на западноевропейском и восточноевропейском театре военных действий. Так как Германия не обладала возможностями ведения наступательных действий сразу на обоих фронтах, предполагалось разбить Францию и Россию поочередно. Решительные и быстрые действия должны были обеспечить победу вначале над одним из противников, после чего все силы сосредоточивались для разгрома другого. Таким путем планировалось достижение конечной цели – победы в войне в целом.

В 1880-е – начале 1890-х гг. в Берлине считали, что первый удар необходимо нанести по России. Однако А. фон Шлиффен, назначенный в 1891 г. начальником генерального штаба, постепенно пришел к выводу, что план военных действий необходимо изменить и первый главный удар нанести по Франции. В 1905 г. новая стратегия ведения войны была принята. Не вдаваясь в сугубо военные аспекты, отметим лишь, что главной ее идеей являлось «...массирование возможно больших сил на французском фронте с целью быстрого уничтожения французских армий...» [*Зайончковский, 1938, с. 62 – 63*].

Против России в этот период должно было действовать ограниченное количество германских войск, необходимых для взаимодействия с австро-венгерской армией, сосредоточивавшей максимальное количество сил на русском фронте. После разгрома Франции все германские войска с западноевропейского театра войны в кратчайшие сроки планировалось перебросить на восточноевропейский театр.

Предполагавшийся «молниеносный» разгром Франции означал, что войну на два фронта на континенте вести не придется. Следовательно, войну с Россией можно было бы вести и более длительное время. Что касается Великобритании, то с ней германское командование предполагало бороться на морском театре военных действий.

Однако по ряду причин, в том числе благодаря действиям русских войск в Восточной Пруссии, вынудившим германское командование перебросить часть сил с французского фронта на русский, план «молниеносной войны» потерпел крах. Франция устояла, реализовать стратегию поочередного ведения военных действий только на фронтах не удалось. Германия оказалась перед необходимостью вести затяжную войну на два фронта, в то время как нужных для этого ресурсов у нее не было. Более того, впоследствии перед Берлином и его союзниками в Европе открылось даже не два, а четыре театра военных действий: восточноевропейский (русский) и западноевропейский (французский) театры являлись главными, итальянский и балканский – второстепенными.

Постепенно все более очевидной становилась превосходящая военная и экономическая мощь Антанты. В Берлине пришли к выводу, что в войне требуется использовать не только военную силу, но и иные меры. В этом контексте возникла идея «отколоть» от противостоявшего военного

союза одно из государств путем заключения с ним сепаратного мира. В германском генштабе отмечали: «Пока Россия, Франция и Англия выступают вместе, мы не можем победить наших противников так, чтобы обеспечить себе достойный мир. Или Россия или Франция должны быть отколоты» [Соболев, 2002, с. 25]. Уже летом 1915 г. министр иностранных дел Франции Т. Делькассе отмечал ведение соответствующей пропаганды в своей стране и попытки «...со стороны Германии возбудить вопрос о мире» (Посол в Париже..., 1938, с. 114).

Главное внимание, однако, немецкое руководство уделяло России, прежде всего ввиду обострявшейся внутривнутриполитической обстановки в стране. В конце 1915 г. начальник германского генерального штаба Э. фон Фалькенгайн оценивал положение в Российской империи следующим образом: «...внутренние затруднения этого исполинского государства быстро растут. Если революции в большом масштабе... и нельзя еще ожидать, то можно, однако, питать уверенность, что Россия своими внутренними неурядицами в сравнительно скорое время будет принуждена к уступкам» (Фалькенгайн, 1923, с. 199).

Германская сторона неоднократно зондировала возможность закулисных сепаратных переговоров с Россией, но эти попытки оканчивались неудачей. Российское руководство строго соблюдало обязательства, зафиксированные в «Соглашении России, Англии и Франции о незаключении сепаратного мира» от 23 августа (5 сентября) 1914 г. (Соглашение России..., 1952, с. 425). Не менее скрупулезно выполнялась «Декларация Франции, Великобритании, Италии, Японии и России о незаключении сепаратного мира в течение настоящей войны» от 17 (30) ноября 1915 г. (Декларация Франции..., 1952, с. 442).

В сложившейся ситуации противник сделал ставку на пропаганду, направленную на создание облика Германии как миролюбивого государства и, напротив, на «демонизацию» политики стран Антанты. Пропаганда велась не только во враждебных, но и в нейтральных, и даже в дружественных Германии странах. В пропагандистской работе против России особое внимание уделялось ослаблению морально-психологического потенциала русских войск.

В октябре 1914 г. заграничной пропагандой занимались не менее 27 самостоятельных бюро или ведомств. Несколько позже при Министерстве иностранных дел Германии появились Центральное бюро для пропагандистской работы за границей и военный отдел пропаганды, возглавляемый полковником фон Гефтенем и подчиненный верховному командованию. Постепенно фон Гефтен создал масштабную пропагандистскую организацию, действовавшую в разных странах мира. В частности, пропаганда велась через линию фронта непосредственно среди неприятельских войск. Отдел находился в тесной связи с разведывательным управлением, и в некоторых случаях его деятельность попадала под контроль этого управления.

Кроме того, действовало Управление печати военного времени, издававшее газеты в оккупированных немцами областях и в лагерях военнопленных, а также выпускавшее специальные газеты для распространения в войсках противника. При штабах фронтов и армий были созданы отделения этого управления, снабжавшие соответствующим материалом германские и местные газеты. В оккупированных областях России появились «военные заграничные бюро», обрабатывавшие и распространявшие пропагандистские материалы в духе, соответствовавшим особенностям каждого региона. Так, в оккупированных районах Белоруссии и Литвы издавались газеты, в которых говорилось о неравенстве прав белорусов и литовцев, с одной стороны, и русскими – с другой, муссировалась мысль о необходимости отделения этих территорий от Российского государства.

Пропагандистская работа велась не только путем размещения информации и дезинформации в газетах и журналах, но и с помощью карикатур, иллюстраций, кинофильмов, для чего были созданы специальное графическое отделение и управление плакатов и кинофильмов. Наряду с этим шла пропаганда с использованием телеграмм, радиопередач, брошюр, докладов, листовок. Большое значение придавалось устной пропаганде, в том числе распространению слухов. Уже с конца 1914 г. противник начал распространять в русских войсках листовки, призывавшие не участвовать в боевых действиях. Например, в одной из них будто бы от имени Николая II говорилось: «Возникла несчастная война против воли моей: она вызвана интригами великого князя Николая Николаевича..., желающего устранить меня, дабы ему самому занять престол. Ни под каким видом я не согласился бы на объявление войны, зная наперед ее печальный для матушки-России исход: но..., опасаясь за свою жизнь, я принужден выполнить все то, что... требуют от меня». Далее следовал призыв «царя» не повиноваться «вероломным генералам» и обратить оружие против тех, кто

«... угрожает, жизни и свободе вашего царя, безопасности и прочности дорогой родины» (РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 55. Л. 162). В другой листовке от имени Николая II солдатам предлагалось расхотиться по домам или же сдаваться в плен (РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 55. Л. 163–165).

Занимавший в 1914 – 1915 гг. пост генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов в этой связи писал, что противник стал «... распространять... среди наших войск и населения района военных действий разного рода воззвания и обращения, призывавшие к прекращению борьбы и к миру» (Данилов, 1924, с. 309).

Несколько позже стали регулярно выпускаться листовки, в которых императора Николая II и российские власти в целом уже всячески дискредитировали. Например, в их адрес звучали обвинения в развязывании войны в целях отвлечения русского народа от борьбы за «землю и волю», а также ради захвата новых территорий (РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 964. Л. 74). В некоторых листовках на фоне лицемерных заявлений о необходимости скорее окончить войну не только содержался призыв переходить на сторону противника, но и предлагались деньги за сдачу в плен с оружием. Так, в одной из австрийских прокламаций обещали по 7 рублей за каждую винтовку и по 1 копейке за каждый патрон, сданный австрийским властям (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 4100. Л. 4). Наряду с листовками на русском языке издавались газеты и брошюры, в которых, как отмечал один из советских специалистов в области разведки, «... затрагивались и разбирались вопросы, о которых русский солдат мог только тайно думать»: о непрестом материальном положении солдатских семей, полицейском произволе, чиновниках, причинах неудач русской армии и т. п. [Звонарев, 1931, с. 146]. Постоянно муссировался вопрос о «ненужности войны», при этом противопоставлялись интересы защиты государства и «простых русских людей».

Рассуждая о методике пропаганды, руководитель германской разведывательной службы полковник В. Николаи писал: «Всякая пропаганда ... должна ограничиваться лишь немногими пунктами и излагать эти пункты кратко, ясно, понятно, ... повторяя все это до тех пор, пока уже не может быть никакого сомнения в том, что и самый отсталый из слушателей наверняка усвоил то, что мы хотели» [Николаи, 2005].

Проводилась специальная обработка военнопленных с целью привлечения их к сотрудничеству с германскими властями. В результате в русские части попадали письма, в которых описывались якобы очень хорошие условия жизни в немецком плену (НИАБ в г. Гродно. Ф. 369. Оп. 1. Д. 127. Л. 19). Известно множество случаев, когда сдавшиеся в плен засылались немцами на русские позиции, где те за деньги вели среди солдат агитацию, уговаривая их сдаться (РГВИА. Ф. 2230. Оп. 1. Д. 315. Л. 329).

Следует отметить, что противник использовал в своих интересах антивоенную деятельность российских революционных партий, несмотря на то, что те преследовали совершенно иные цели, чем германская сторона. Так, осенью 1915 г. в Гааге эсерами был создан «Комитет революционной пропаганды среди русских пленных в Германии», все издания которого немецкие власти беспрепятственно пропускали на свою территорию; требовалось лишь скрепить их печатью комитета (НИАБ в г. Гродно. Ф. 366. Оп. 1. Д. 449. Л. 66). В РСДРП была образована «Комиссия интеллектуальной помощи военнопленным», которой также было разрешено распространять революционную литературу в лагерях для военнопленных.

В конце 1915 г. стало известно, что немцы ведут активную агитацию против России среди мусульман, проживавших в ней. В частности, на Кавказе отмечались попытки осуществить денежные сборы на военные нужды Турции. В Туркестане были образованы тайные комитеты для агитации за восстание против России. Современник отмечал, что «немцы очень заняты противорусской пропагандой среди магометан и украинцев. С этой целью они создали у себя особые лагеря для наших военнопленных...» [Звонарев, 1931, с. 149].

До 1917 г. германская антивоенная пропаганда не приносила значимых результатов, хотя считалось, что бунты в некоторых частях происходят под ее влиянием. Ситуация изменилась после Февральской революции, когда в обществе и армии активизировались процессы, дестабилизирующие обстановку в стране. При этом «... именно на фронте... кризис приобрел наиболее глубокие и опасные черты...». Уже в первые недели после революции «... солдаты занялись дискуссиями, стали митинговать, непрерывно обсуждая, когда и как смогут вернуться домой, и отказываясь выполнять приказы» (Керенский, 1993, с. 180).

Ухудшение морально-психологического состояния русских войск привело к тому, что боль-

шинство личного состава не желало воевать и выступало за прекращение боевых действий. Германское военно-политическое руководство воспользовалось ситуацией и стало прилагать максимум усилий для заключения сепаратного мира с Россией. При этом акцент делался не на дипломатические меры, а на воздействие непосредственно на войска. Один из виднейших германских военачальников, генерал Э. Людендорф, отмечал: «В согласии с имперским правительством было постановлено, что если переговоры о перемирии будут начаты непосредственно через фронт, то руководить ими будет верховное командование, при участии представителя от имперского канцлера» (Людендорф, 2014, с. 453).

Берлин пошел на неординарный шаг: с учетом антивоенных настроений в стане противника отдал приказ прекратить «...все боевые действия против русских...» (Керенский, 1993, с. 180–181). Тогдашний начальник германского генштаба П. фон Гинденбург в этой связи отметил, что цель такого шага заключалась в «...выжидании перемен в ходе начавшегося разрушения Российской империи...» (Гинденбург, 2013, с. 214).

Одновременно Германия и Австро-Венгрия значительно усилили антивоенную пропаганду, направленную на сознание солдатской массы, в большинстве своем малообразованной и некомпетентной в политике. Расчет по-прежнему делался на то, что не желавших воевать русских солдат удастся убедить, будто Германия стремится к миру, в то время как российская власть и армейское командование мешают этому. Один из русских генералов участников войны отмечал: «...немецкий генеральный штаб поставил это дело широко, организованно и по всему фронту, с участием высших штабов и командного состава, с подробно разработанной инструкцией...». Она предусматривала решение целого ряда задач. В их число входили «убеждение в бесцельности войны», «натравливание русских солдат против правительства и командного состава, в интересах которого, якобы, исключительно продолжается эта "кровавая бойня". Груды пораженческой литературы, заготовленной в Германии, передавались в наши окопы» (Деникин, 1921, с. 75).

Германское командование неоднократно посылало на русскую сторону офицеров с предложением передать русскому командованию просьбу о мире. Например, 23 апреля в расположение 151-го пехотного Пятигорского полка 38-й дивизии явился немецкий полковник, переговорщик, выразивший желание, чтобы его отправили в штаб армии. Ему отказали, и среди солдат полка началось недовольство, вызванное тем, что «...не допускают переговорщиков сговориться о мире...» (Приказ Верховного... № 207). Командующий 5-й армией Северного фронта генерал от кавалерии А.М. Драгомиров под давлением солдат был вынужден разрешить нескольким германским офицерам явиться к нему. Офицеры вручили генералу письмо за подписью главнокомандующего германским Восточным фронтом принца Л. Баварского, в получении которого Драгомиров расписался, но ответа не дал. Немцы напечатали это письмо в виде листовки с пояснением, что в письме предпринята попытка договориться с Россией о мире, приложили факсимиле расписки А.М. Драгомирова в получении письма и распространили листовку среди русских солдат [Звонарев, 1931, с. 147].

22 мая была организована провокация небывалого масштаба: все русские радиотелеграфные станции приняли германскую радиотелеграмму, в которой принц Л. Баварский предлагал мир «помимо союзников» (Приказ Верховного... № 380). А.Ф. Керенский писал: «Расположения русских войск были засыпаны листовками за подписью принца. В них он призывал русских солдат замиряться с германскими братьями по ту сторону окопов и обещал не вести против них боевых действий» (Керенский, 1993, с. 181). Следует отметить, что одновременно в германском генштабе рассматривали возможность «...начать наступление, как только в стенах русской армии наметились первые трещины...» (Гинденбург, 2013, с. 214).

Германская пропаганда приносила свои плоды: слухи о том, что немцы предлагают мир, расходились по всему фронту. При этом неискушенный в дипломатии рядовой и унтер-офицерский состав не мог знать, что заключение мира – прерогатива политиков, а не военного командования. Среди солдат росло недовольство продолжением войны, в то время как у «Ставки не было никаких средств ... для противодействия немецкой пропаганде, все более и более разрастающейся» (Деникин, 1921, с. 69).

Следует заметить, что, провозглашая якобы бескорыстную приверженность миру, германская сторона отказывалась признавать лозунг «Мир без аннексий и контрибуций!». Имперский канцлер Т. фон Бетман-Гольвег указывал, что при заключении мирного договора такой лозунг для Германии будет неприемлем. Подобного подхода придерживались немцы даже в локальных си-

туациях. Так, весной 1917 г. на Западном фронте «...один полк заключил мир с немцами»; договор был подписан двумя русскими унтер-офицерами и одним немецким офицером. Отказ от аннексий был зафиксирован только с русской стороны, что в данном конкретном случае означало отказ от «обратного завоевания» Ковно (Каунаса) и Вильно (*Керенский*, 1917, с. 10, 15).

В сложившейся ситуации огромные масштабы приобрело братание, до Февральской революции носившее ограниченный характер. При этом германская сторона не скрывала, что оно использовалось в целях агитации и пропаганды. Более того, иностранные и отечественные исследователи отмечают, что чаще всего братание организовывалось германским и австро-венгерским командованием. В ходе братаний специально подготовленные военнослужащие противника, в основном офицеры, вели антивоенную агитацию, передавали пропагандистскую литературу. Например, в марте официально зафиксированы случаи передачи немцами прокламаций на участке 16-го пехотного Мингрельского полка (Западный фронт), 21-го армейского корпуса и Икскюльского предмостного укрепления (Северный фронт); в этот же период подобные попытки немцев многократно срывались огнем русской артиллерии (Разложение армии в 1917 г., 1925, с. 37).

По данным зарубежных историков, в архивах германской и австро-венгерской разведок сохранилось множество сведений об использовании ими братания в своих интересах. Так, М.С. Френкин подсчитал, что только за май 1917 г. австро-венгерская разведка осуществила через братания с русскими солдатами 285 разведывательных контактов [*Базанов*, 2014, с. 17].

В процессе братаний русских солдат часто угощали спиртным, после чего пьяных допрашивали; русские позиции фотографировались, в то время как делать снимки на австро-германских позициях не позволялось. Так, в ходе одного из братаний у противника «...оказались фотографии наших позиций и батарей, которые были так замаскированы, что сверху увидеть было нельзя» (*Керенский*, 1917, с. 6). В целом же братания, в которых в 1917 г. участвовали сотни частей, способствовали деморализации войск и распространению среди личного состава антивоенных настроений. Во время попытки русского наступления летом 1917 г. братания прекратились, но после его провала они возобновились с новой силой и продолжались вплоть до заключения Брестского мира.

Антивоенная пропаганда способствовала тому, что повседневным явлением стал отказ от выполнения боевых задач. Например, на Западном фронте с 8 по 15 июня 1917 г. отказались занять исходное положение 2-я Кавказская гренадерская пехотная дивизия, 2-й кавалерийский корпус и 134-я пехотная дивизия. Не занял исходное положение 203-й пехотный Сухумский полк, 61-й пехотный Сибирский полк не выполнил приказа командира корпуса о перегруппировке, при этом нижние чины угрожали убить командира полка и других офицеров (РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1121. Л. 1, 143). 21 июня на Северном фронте отказались заступить на боевые позиции два полка 4-й Особой пехотной дивизии, которые «...попросту разбрелись с указанных им мест...» (Из дневника ген. *В.Г. Болдырева*, 1927, т. 4 (23), с. 263). 22 июня на этом же фронте не выполнили приказ идти в наступление части 13-го армейского корпуса (Революционное движение..., 1968, с. 145). 24 июня отказались участвовать в наступлении многие части 5-й армии Северного фронта (Революционное движение..., 1968, с. 157), в том числе 66-й пехотный Бутырский полк, 641-й пехотный Тавдинский полк, 87-й пехотный Нейшлотский полк (Армия в период..., 1937, т. 4 (83), с. 145–146).

Нередко части самовольно уходили с занимаемых позиций. Так, на Юго-Западном фронте 7 июля в двух батальонах одного из пехотных полков остались лишь несколько солдат и все офицеры. Офицеры еще одного батальона этого полка были арестованы солдатами, отказавшимися выполнять боевой приказ. В районе реки Збруч 19 июля пехотный полк должен был сменить другой, но ко времени смены в окопах не было ни одного солдата; остался лишь офицер, который и сдал участок (Доклад об офицерстве, 1917, № 1399–1400, с. 487).

В ходе начавшейся атаки противника на участке южнее Броды (Юго-Западный фронт) ушел с позиции 607-й пехотный Млыновский полк, вслед за ним отошли соседние полки. Противник стал развивать успех, при этом войска, получив боевой приказ о поддержке атакованных частей, собирались на митинги и обсуждали, подлежит ли он выполнению. Некоторые полки отказывались выполнять приказ и уходили с позиций без всякого давления противника (Удар в спину, 1917, № 1391–1392, с. 411).

При попытке русского наступления летом 1917 г. происходили не мыслимые ранее события. Так, на Юго-Западном фронте «дивизии 11-й армии и частью 7-й армии бежали, под давлением в пять раз слабейшего противника..., сдаваясь в плен ротами и полками...». Были

«...зарегистрированы случаи самосуда над офицерами и самоубийств офицеров, дошедших до полного отчаяния...», сообщены возмутительные факты, когда дивизия отступала перед двумя ротами» (Революционное движение..., 1968, с. 213). В Галиции в ходе летних боев 1917 г. погибло до 80 % офицеров, в то время как солдаты почти все ушли в тыл. «...На полях, которые нельзя было назвать полями сражений, царил сплошной ужас, позор и срам, каких русская армия еще не знала с самого начала своего существования» [Бурский, 1917, с. 13].

После подавления выступления генерала Л.Г. Корнилова разложение армии ускорило. С 1 по 30 сентября 1917 г. в действующей армии было зарегистрировано 160 случаев самовольного оставления позиций и неисполнения частями боевых и небоевых приказов [Кизрин, 1931, с. 92 – 93]. Подобное продолжалось и в октябре. Например, на Западном фронте 217-й и 218-й пехотные полки не выполнили приказа о перегруппировке и смене на позиции других частей, 2-й гренадерский Ростовский полк вместо выполнения боевой задачи стал брататься с противником (РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1350. Л. 16). В районе Витебска все солдаты 1-го и 4-го артиллерийских парков самовольно оставили свои части и уехали домой (РГВИА. Ф. 2031. Оп.2. Д. 621. Л. 2).

Многочратно увеличилось количество дезертиров. Если с начала войны до Февральской революции 1917 г. число зарегистрированных дезертиров составляло немногим более 195 тыс. человек, то к ноябрю 1917 года их насчитывалось более 2 млн. [Головин, 1939, т. 1, с. 208].

Немецкая пропаганда умело использовала нерешенность земельного вопроса в России: массовым тиражом были выпущены листовки, в которых утверждалось, будто крестьян начали надеяться на получение земель, но получают ее только те, кто присутствует при дележе (РГВИА. Ф. 2003. Оп.2. Д. 822. Л. 93, 116–117). Дезинформация сыграла свою роль, количество дезертиров возросло.

В условиях стремительной деградации армии начался террор в отношении офицеров. Обращения Временного правительства к солдатам, призывавшие повиноваться командирам и соблюдать дисциплину, носили, по сути, формальный характер и никакой роли не играли. Положение офицества становилось трагическим. Военная цензура Западного фронта отмечала: «Письма офицеров из действующей армии полны отчаяния. Таких писем – подавляющее большинство... жалуются на постоянные и незаслуженные оскорбления со стороны солдат» (РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 55). В сводке военно-цензурного отделения Румынского фронта за март 1917 г. указывалось: «Солдаты видят в офицерах приверженцев старого строя, из-за этого происходят эксцессы, вплоть до арестов и оскорблений» (РГВИА. Ф. 2085. Оп.1. Д.139. Л. 23). В сводке о настроениях в действующей армии с 1 по 9 июля 1917 г., составленной в Генеральном штабе, говорилось: «В донесениях всех высших начальников указывается на крайне тяжелое положение... офицеров, их самоотверженную, протекающую в невыносимых условиях работу, в стремлении поднять дух солдат...» (Революционное движение..., 1968, с. 211). Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии Н.В. Рузский сообщал, что «ежедневные публичные аресты генеральских и офицерских чинов..., производимые при этом в оскорбительной форме, ставят командный состав армии... в безвыходное положение.... Вместе с арестами продолжается, особенно на железнодорожных станциях, обезоруживание офицеров, в том числе едущих на фронт...» (Революционное движение..., 1968, с. 213).

В сложившейся ситуации регулярно начали совершаться убийства офицеров. Так, 2 июля был убит командир гренадерского Суворовского полка подполковник Рыков за то, что уговаривал солдат исполнить свой долг. В этом же полку от «своих» пуль погибли многие другие офицеры (Удар в спину, 1917, № 1399–1400, с. 487). В 299-м пехотном Дубненском полку 31 июля были зверски убиты командир полка генерал-майор А.А. Пургасов и три офицера. Они требовали исполнения служебных обязанностей, солдаты же не пожелали идти на занятия, заявив, что полк воевать с немцами не будет (Удар в спину, 1917, № 1397–1398, с. 465).

29 августа в Выборге солдаты 42-го армейского корпуса учинили самосуд над офицерами. По подозрению в сочувствии выступлению Л. Г. Корнилова были расстреляны 11 человек, в том числе командир корпуса генерал от кавалерии В.А. Орановский. Перед смертью офицеры подверглись истязаниям, их тела сбросили в залив (Революционное движение..., 1968, с. 590).

Германскому командованию было известно, в каком состоянии находятся русские войска. С учетом того, что они практически не способны вести боевые действия, Э. Людендорф писал: «Уже в течение лета я составил проект условий перемирия с Россией. Они исходили из стремления прийти к мирному соглашению с последней, так как ход войны требовал мира на востоке» (Люден-

дорф, 2014, с. 453).

После Октябрьской революции заключение мира стало доминантой в политике новой власти. В числе прочего это обуславливалось отказом армии воевать и требованиями широких солдатских масс прекратить войну любой ценой. Справедливости ради следует отметить, что советская делегация выступала за подписание не сепаратного, а всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций между всеми без исключения участниками войны. Однако германская сторона по-прежнему стремилась принудить Россию к сепаратному миру в целях достижения своих геополитических, экономических и военных целей.

После получения германской стороной предложения от советской власти начать мирные переговоры Э. Людендорф отметил: «...подготовка к моменту, когда Россия обратится к нам с предложением о перемирии, была у нас закончена. В ноябре большевистское разложение русской армии настолько подвинулось, что верховное командование могло серьезно приступить к ослаблению восточного фронта с целью усиления войск на западе» (Людендорф, 2014, с. 453).

2 (15) декабря 1917 г. между Россией и странами Четверного союза было подписано перемирие, послужившее основой для начала переговоров о заключении мира. Переговоры, начавшиеся в Брест-Литовске 9 (22) декабря 1917 г., носили чрезвычайно напряженный характер и неоднократно прерывались ввиду различия взглядов сторон на обсуждавшиеся проблемы. Немецкая делегация под надуманными предлогами требовала признать права Германии на значительные территории бывшей Российской империи. После отказа советской делегации принять эти требования, выдвинутые в ультимативной форме, в Берлине было принято решение прекратить перемирие. Германский генерал М. Гофман уведомил российскую сторону в том, что 18 февраля немецкие войска начнут наступление на русском фронте.

Отразить наступление противника было некому. Еще в ноябре 1917 г. официально началась демобилизация русской армии, а ее отдельные части, остававшиеся на позициях, не представляли собой реальной боевой силы: управление войсками отсутствовало, разложение личного состава дошло до крайней степени. Что касается сформировавшейся Красной Армии, то ее численность была совершенно недостаточной: к весне 1918 г. в нее записалось лишь около 70 тыс. добровольцев. Это составляло примерно 1% личного состава, находившегося в действующей армии осенью 1917 г. [Базанов, 2014, с. 334].

Стремительное продвижение войск противника создало реальную угрозу занятия столицы России и свержения действовавшей власти. В сложившейся ситуации советское руководство выразило готовность заключить мир на условиях, выдвинутых противником. 3 марта 1918 г. Брестский мирный договор, основанный на требованиях, наносивших серьезный ущерб интересам России, был подписан. Таким образом, цель, которую преследовало военно-политическое руководство Германии, была достигнута. Россия была принуждена к сепаратному миру, Берлин получил возможность сосредоточить усилия для ведения войны на французском фронте.

Безусловно, не антивоенная пропаганда оказала решающее влияние на подписание Россией договора, который В.И Ленин, активно выступавший за него, характеризовал как «аннексионистский и насильственный Брестский мир...» (Ленин, т. 37, с. 53). Больше значение имели внутренние факторы, прежде всего политические, экономические, идеологические и социальные. Тем не менее роль германской пропаганды в том, что данное событие произошло, преуменьшать не следует. Она оказывала серьезное влияние на настроения в армии и обществе, подрывала морально-боевой дух войск и в конечном счете способствовала тому, что на какое-то время Россия оказалась неспособной к защите своих национально-государственных интересов.

Список источников

- Армия в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции // Красный архив. 1937. Т. 4 (83).
Гинденбург П. фон. Из моей жизни / пер. с нем. М., 2013.
Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне. 1914 – 1915 гг. Берлин, 1924.
Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1: Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Париж, 1921. Вып. 2.

- Декларация Франции, Великобритании, Италии, Японии и России о незаключении сепаратного мира в течение настоящей войны. Лондон, 17/30ноября 1915 г. // Сб. договоров России с другими государствами. 1856 – 1917. М., 1952.
- Доклад об офицерстве // Разведчик. 1917. № 1399 – 1400.
- Из дневника ген. В.Г. Болдырева // Красный архив. 1927. Т. 4 (23).
- Из сводки сведений о братании на фронте (с 1 марта по 1 мая 1917 г.) // Разложение армии в 1917 г. М.; Л., 1925.
- Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993.
- Керенский А.Ф.* Об армии и войне. Пг., 1917.
- Ленин В.И.* Письмо к американским рабочим // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 37.
- Людendorф Э.* Мои воспоминания о войне 1914 – 1918 гг. / пер. с нем. А.А. Свечина. М., 2014. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). Ф. 366. Оп. 1. Д. 449; Ф. 369. Оп. 1. Д. 127.
- Посол в Париже министру иностранных дел. Телеграмма № 510. 21 (8) августа 1915 г. // Междунар. отношения в эпоху империализма: док. из архивов царского и Временного правительств 1878 – 1917 гг. Сер. 3: 1914 – 1917 гг. М.; Л., 1931 – 1938. Т. 8, ч. 2.
- Приказ Верховного Главнокомандующего от 5 июня № 380 // Библиотека Нац. ист. архива Беларуси (далее – НИАБ). Инв. № 14994.
- Приказ Верховного Главнокомандующего от 29 апреля № 207 // Библиотека НИАБ. Инв. № 14993.
- Разведчик. 1917. № 1397–1400.
- Разложение армии в 1917 г. М.; Л., 1925.
- Революционное движение в русской армии в 1917 г. 27 февраля – 24 октября 1917 г.: сб. док. М., 1968.
- Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 970. Оп. 3. Д. 55; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 964; Ф. 2067. Оп.1 Д. 4100; Ф. 2230. Оп. 1. Д. 315; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1121, 1350; Ф. 2031. Оп.2. Д. 621; Ф. 2003. Оп.2. Д. 822; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905; Ф. 2085. Оп.1. Д.139.
- Соглашение России, Англии и Франции о незаключении сепаратного мира. Лондон, 23 августа (5 сентября) 1914 г. // Сб. договоров России с другими государствами. 1856 – 1917. М., 1952.
- Удар в спину // Разведчик. 1917. № 1391 – 1392.
- Фалькенгайн Э. фон.* Верховное командование 1914 – 1916 в его важнейших решениях / пер. с нем. А.Е. Снесарева. М., 1923.

Библиографический список

- Базанов С.Н.* Великая война: как погибала Русская армия. М., 2014.
- Бурский П.Д.* Революция и офицеры. М., 1917.
- Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне: в 2 т. Париж, 1939. Т.1.
- Зайончковский А.* Мировая война 1914 – 1918 гг.: в 2 т. 3-е изд. М., 1938. Т. 1.
- Звонарев К.К.* Агентурная разведка. Т. 2: Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 1931.
- Кизрин И.Г.* Распад старой армии. Воронеж, 1931.
- Николаи В.* Военная пропаганда в Первой мировой войне // Тайные силы: Интернац. шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время. Киев, 2005. URL: <http://militera.org/cards/show.html?card=41597> (дата обращения: 28.01.2016).
- Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». СПб., 2002.

Дата поступления рукописи в редакцию 24.09.2015

GERMAN PROPAGANDA AS A MEANS OF COERCING RUSSIA TO A SEPARATE PEACE (1915–1917)

V. N. Suryayev

Research Institute of the Armed Forces of the Republic of Belarus, Kalinovskogo str., 4, 220103, Minsk, Belarus
sverbihin7@mail.ru

The article is devoted to the organization of German propaganda aimed at Russia's withdrawal from the World War I. The author shows why the original strategy of German conduct of the war failed and resulted in Germany fighting a two-front war. The superiority of the Entente over Germany and its allies in military and economic terms impelled the military-political leadership of Germany to make every effort to split the union of Russia, Great Britain and France. A separate peace which was Germany's aim was not supposed to end the global military conflict or to lead to a universal democratic peace, but it would only weaken the opposing military bloc. The author reveals the basic forms of German anti-war propaganda on the Russian front and through specific examples shows its destructive effect on moral and psychological potential and combat capability of Russian troops. It is shown that Germany repeatedly probed the possibility of backroom separate negotiations with Russia, but until the fall of 1917, those attempts had been unsuccessful. The Russian leadership had to comply strictly with the commitments on its allies in the Entente, recorded in the relevant international instruments. The author concludes that German propaganda's efforts played a certain role in the Soviet Russia's withdrawal from the war and its signing of the heavy and unfair Brest peace.

Key words: Germany, war, propaganda, Russian troops, the expansion of the army, separate peace.

References

- Armiya v period podgotovki i provedeniya Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii. *Krasnyy arkhiv*. 1937. T. 4 (83).
- Bazanov S.N. *Velikaya voyna: kak pogibala Russkaya armiya*. M., 2014.
- Burskiy P.D. *Revolyutsiya i ofitsery*. M., 1917.
- Danilov Yu.N. *Rossiya v mirovoy voyne. 1914 – 1915 gg.* Berlin, 1924.
- Deklaratsiya Frantsii, Velikobritanii, Italii, Yaponii i Rossii o nezaklyuchenii separatnogo mira v techenie nastoyashchey voyny. London, 17/30 noyabrya 1915 g. *Sb. dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856 – 1917*. M., 1952.
- Denikin A.I. *Ocherki russkoy smuty*. T. 1: *Krushenie vlasti i armii. Fevral' – sentyabr' 1917*. Parizh, 1921. Vyp. 2.
- Doklad ob ofitserstve. *Razvedchik*. 1917. № 1399 – 1400.
- Fal'kengayn E. *fon. Verkhovnoe komandovanie 1914 – 1916 v ego vazhneyshikh resheniyakh* / per. s nem. A.E. Snesareva. M., 1923.
- Gindenburg P. *fon. Iz moey zhizni* / per. s nem. M., 2013.
- Golovin N.N. *Voennye usiliya Rossii v Mirovoy voyne: v 2 t.* Parizh, 1939. T.1.
- Iz dnevnika gen. V.G. Boldyreva. *Krasnyy arkhiv*. 1927. T. 4 (23).
- Iz svodki svedeniy o bratanii na fronte (s 1 marta po 1 maya 1917 goda). *Razlozhenie armii v 1917 g.* M.; L., 1925.
- Kerenskiy A.F. *Ob armii i voyne*. Pg., 1917.
- Kerenskiy A.F. *Rossiya na istoricheskom povorote: Memuary*. M., 1993.
- Kizrin I.G. *Raspad staroy armii*. Voronezh, 1931.
- Lenin V.I. *Pis'mo k amerikanskim rabochim. Poln. sobr. soch. 5-e izd.* T. 37.
- Lyudendorf E. *Moi vospominaniya o voyne 1914 – 1918 gg.* / per. s nem. A.A. Svehchina. M., 2014.
- Natsional'nyy istoricheskiy arkhiv Belarusi v g. Grodno (NIAB v g. Grodno). F. 366. Op. 1. D 449; F. 369. Op. 1. D. 127.
- Nikolai V. *Voennaya propaganda v Pervoy mirovoy voyne. Taynye sily: Internatsional'nyy shpionazh i bor'ba s nim vo vremena mirovoy voyny i v nastoyashchee vremena*. Kiev, 2005. URL: <http://militera.org/cards/show.html?card=41597> (data obrashheniya: 28.01.2016).
- Posol v Parizhe ministru inostrannykh del. Telegramma № 510. 21 (8) avgusta 1915 g. *Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu imperializma: dokumenty iz arkhivov tsarskogo i Vremennogo pravitel'stv 1878 – 1917 gg.* Ser. 3: 1914 – 1917 gg. M.; L., 1931 – 1938. T. 8, ch. 2.
- Prikaz Verkhovnogo Glavnokomanduyushchego ot 29 aprelya № 207. *Biblioteka NIAB*. Inv. № 14993.
- Prikaz Verkhovnogo Glavnokomanduyushchego ot 5 iyunya № 380. *Biblioteka Natsional'nogo istoricheskogo arkhiva Belarusi*. Inv. № 14994.
- Razlozhenie armii v 1917 g. M.; L., 1925.
- Razvedchik. 1917. № 1397–1400.
- Revolyutsionnoe dvizhenie v russkoy armii v 1917 g. 27 fevralya – 24 oktyabrya 1917 g. *Sb. dok. M.*, 1968.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv. F. 970. Op. 3. D. 55; F. 2134. Op. 1. D. 964; F. 2067. Op.1 D. 4100; F. 2230. Op. 1. D. 315; F. 2048. Op. 1. D. 1121, 1350; F. 2031. Op.2. D. 621; F. 2003. Op.2. D. 822; F. 2048. Op. 1. D. 905; F. 2085. Op.1. D.139.
- Sobolev G.L. *Tayna «nemetskogo zolota»*. SPb., 2002.
- Soglasenie Rossii, Anglii i Frantsii o nezaklyuchenii separatnogo mira. London, 23 avgusta (5 sentyabrya) 1914 g. *Sb. dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856 – 1917*. M., 1952.
- Udar v spinu. *Razvedchik*. 1917. № 1391 – 1392.
- Zayonchkovskiy A. *Mirovaya voyna 1914 – 1918 gg.: v 2 t. 3-e izd.* M., 1938. T. 1.
- Zvonarev K.K. *Agenturnaya razvedka. T. 2: Germanskaya agenturnaya razvedka do i vo vremena voyny 1914–1918 gg.* M., 1931.